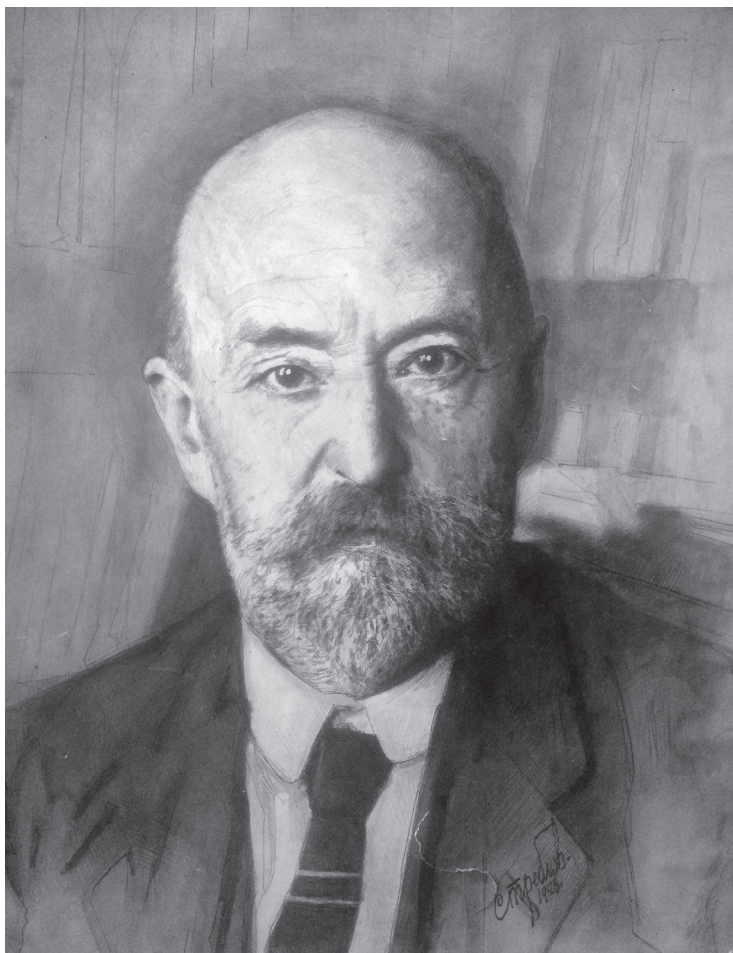

Российская академия наук
Санкт-Петербургский институт истории

А. Е. Пресняков

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Северо-Восточная Русь
и Московское государство

Подготовил к изданию Б. А. Романов (1940 г.)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
П73

Публикацию по корректуре Б. А. Романова
подготовил А. В. Карпов

Под ред. Б.С. Кагановича и В.Г. Вовиной-Лебедевой

П73 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство / подг. к изд. Б. А. Романова (1940); подг. к публ. А. В. Карпова (2020) по коррект. Б. А. Романова ; под ред. Б. С. Кагановича и В. Г. Вовиной-Лебедевой. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 356 с. — ISBN 978-5-4469-1726-6.

В книге впервые публикуются лекции выдающегося русского историка А. Е. Преснякова (1870–1929), прочитанные в Санкт-Петербургском университете в 1910/1911 и 1911/1912 учебных годах. Они посвящены истории Северо-Восточной Руси и Московского государства. Книга важна как с исторической, так и с историографической точки зрения, поскольку освещает существенный этап в научной эволюции автора и развитии российской исторической науки. Предназначена для специалистов по истории Древней Руси и всех интересующихся отечественной историей.

**УДК 93/94
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-4469-1726-6

© Нестор-История, оформление, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
Б. С. Каганович. К истории издания 3-го тома «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова	9

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

Лекции по русской истории. Северо-Восточная Русь и Московское государство

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ	15
ГЛАВА I. Политическое раздробление Киевской Руси	15
ГЛАВА II. Ростово-Суздальская земля до татарского нашествия	24
ГЛАВА III. Северо-Восточная Русь и великое княжество Владимирское в XIII в. (после Батыева погрома)	46
ГЛАВА IV. Областные великие княжения удельного периода	59
ГЛАВА V. Московское княжество с половины XIII в. до Дмитрия Донского	87
ГЛАВА VI. Борьба за объединение Великороссии (1341–1377 гг.)	115
ГЛАВА VII. Борьба за объединение Великороссии (1377–1462 гг.)	133
МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV–XVI вв.	179
ГЛАВА I. Образование Московского государства	179
ГЛАВА II. Иван III. Усиление власти великого князя московского.	192
ГЛАВА III. Усложнение внешнего положения Москвы с 60-х гг. XV в. (Татары, Литва и Польша)	207
ГЛАВА IV. Присоединение Новгородской земли	213
ГЛАВА V. Дальнейшее объединение территории и власти	236
ГЛАВА VI. Боярство	248
ГЛАВА VII. Боярское землевладение	258
ГЛАВА VIII. Боярство как орудие великокняжеской власти	278
ГЛАВА IX. Отношения между боярством и московскими государями XVI в.	292
ГЛАВА X. Московское государство и церковь	308
Указатель имен	342

ОТ РЕДАКЦИИ

Выдающийся русский историк Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) начиная с 1907 г. в течение ряда лет читал в Санкт-Петербургском — Петроградском университете лекции по русской истории в качестве специальных курсов, параллельных общему курсу С. Ф. Платонова. Таких курсов было три: первый был посвящен Киевской Руси (повторялся дважды), второй — Западной Руси и Русско-Литовскому государству, третий — Северо-Восточной Руси и Московскому государству. В личном фонде А. Е. Преснякова, находящемся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, сохранились авторские тексты его курсов¹.

Историографическое значение этих лекций А. Е. Преснякова, выдающегося историка-мыслителя, научное творчество которого можно считать завершающим этапом развития петербургской исторической школы в дореволюционный период², было понято уже давно. На этих лекциях в значительной мере базируется его известная научно-популярная книга «Московское царство» (1918), материал их был использован и в его классической монографии «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий» (1918).

Если собрать все работы А. Е. Преснякова, посвященные Северо-Восточной Руси, можно сказать, что в них он предложил новый взгляд на историю этой части бывшей Древнерусской державы после Батыя. Прежде всего, он стремился отказаться от свойственного государственной школе и все еще авторитетного в исторической науке его времени представления

¹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 1–11.

² Из новых работ, дающих общую характеристику научного творчества А. Е. Преснякова, укажем наиболее, на наш взгляд, содержательные: *Чирков С. В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // *Историки России. XVIII – начало XX в. М., 1996. С. 553–576*; см. также: *Список трудов А. Е. Преснякова / сост. С. В. Чирков // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 323–330*; *Свердлов М. Б.* А. Е. Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // *Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 506–554*; *Цамутали А. Н., Жуковская Т. Н.* Александр Евгеньевич Пресняков и его наследие // *Пресняков А. Е. Письма и дневники 1889–1927. СПб., 2005. С. 3–23.*

о том, что история России есть прежде всего история формирования государственных институтов и верховной власти: от родового строя к вотчинному, а от него к государству. Пресняков, анализируя усиление в XIV–XV вв. княжеской администрации и правительственных сил в целом, придавал большое значение развитию крестьянской волости и ее самоуправлению, полагая, что общинная жизнь существовала еще в догосударственные времена. Что касается государства, по мнению историка, оно развивалось не из родового строя, а из «удельно-вотчинного владения» (в котором князь уже изначально был и правителем, и собственником, владельцем) к «вотчинному самодержавию» (а от последнего уже в петровское время — к полицейскому государству). Территория «вотчинного государства» московского периода продолжала быть наследственным владением великого князя, в пределах которого он распоряжался жизнями и собственностью всего населения.

В рамках этого общего понимания А. Е. Пресняков сосредоточился на исследовании отношений между князьями и на великокняжеской политике. До него В. О. Ключевский писал об определяющем значении колонизации незаселенных земель для складывания удельных порядков в Северо-Восточной Руси. Пресняков же пришел к выводу, что великие князья собирали не земли, а власть, строили великое княжение — т. е. были движимы не просто желанием увеличить свою собственность, а определенными политическими целями, ради которых даже ломали старые семейные традиции. И этот процесс происходил не только на завершающем этапе — в правление Ивана III, но в той или иной мере отличал действия всех великих князей на протяжении XIV–XV вв. Более того, во многих отношениях северо-восточные князья были здесь продолжателями действий более ранних правителей, еще домонгольского периода, в том числе южнорусских, а не только севернорусских. Так же как некоторые князья домонгольского времени, они вынуждены были жертвовать вотчинным правом ради поддержания единства земли и своей семьи.

А. Е. Пресняков пришел к этим выводам, тщательно изучив источники (особенно актовый материал) об отношениях московских князей с Ордой, с тверскими и литовскими князьями, а также с Великим Новгородом и с церковью. В публикуемых лекциях некоторые из важных линий будущих книг лишь намечены, другие обоснованы и развиты лучше, как, например, линия боярства и боярского землевладения.

Через несколько лет после смерти А. Е. Преснякова, в середине 1930-х гг. было решено опубликовать курсы его лекций. Подготовка их к печати

была поручена одному из ближайших учеников Преснякова Б. А. Романову, незадолго до того вернувшемуся в Ленинград из сталинских лагерей, куда он попал по сфабрикованному «Академическому делу». Первые два тома издания вышли в свет в 1938–1939 гг.³, выходу 3-го тома, полностью подготовленному Б. А. Романовым, помешала война. Не удалось его издать и впоследствии, несмотря на усилия, предпринятые Б. А. Романовым и его учениками⁴.

В архиве Санкт-Петербургского института истории РАН сохранилась корректура 3-го тома «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова, в которой, к сожалению, отсутствует несколько последних страниц⁵. 3-й том включает два курса, прочитанных в Петербургском университете в 1910/1911 и 1911/1912 учебных годах, посвященных соответственно Северо-Восточной Руси и Московскому государству. Авторские записи этих курсов содержатся в четырех записных книжках⁶.

Мы исходили из того, что работа столь выдающегося и близкого автору ученого, как Б. А. Романов, хорошо осведомленного во всех нюансах мысли Преснякова (он являлся в свое время и слушателем этих лекций), должна быть представлена читателю в целостном виде, как она была осуществлена, тем более что публикуемая книга завершает издание, начатое более 80 лет тому назад.

Принципы, положенные в основу своей текстологической и комментаторской работы, Б. А. Романов изложил в написанной им археографической части предисловия к 1-му тому «Лекций», которое было опубликовано за подписью редактора Н. Л. Рубинштейна.

«В целях сохранения за настоящим изданием *историографического* значения, авторский текст сохранен, по возможности, в полной неприкосновенности. Необходимо подчеркнуть, что он не предназначался

³ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938–1939: Т. 1. Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1938. VI+282 с.; Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Русско-Литовское государство. М.: Соцэкгиз, 1939. 248 с. Том 1 был переиздан М. Б. Свердловым с четким разделением авторских редакций и уточнением справочного аппарата: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 255–505.

⁴ Перипетиям, связанным с изданием этого тома, посвящена специальная заметка Б. С. Кагановича «К истории издания 3-го тома “Лекций по русской истории” А. Е. Преснякова», см. настоящее издание. С. 9–12.

⁵ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 276 (Издательский архив). Оп. 2. Д. 124. 288 с.

⁶ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–257; Д. 7. Л. 1–30; Д. 10. Л. 247–309; Д. 11. Л. 1–247.

автором для печати, — писал Б. А. Романов. — Что касается техники издания, то указанная комбинация текстов⁷ воспроизводится здесь с возможной точностью, за исключением раскрытия многочисленных словесных сокращений и нескольких поправок явных описок, как в цитатах, так и в собственном изложении автора, отметка которых каждый раз внесла бы только ненужную внешнюю пестроту. В примечаниях по возможности оформлены и дополнены все ссылки на литературу и источники, которые, зачастую кратко и суммарно, помечал себе А. Е. в тексте в скобках»⁸. Стоит отметить, что большинство постраничных ссылок к тексту лекций, публикуемых в настоящем издании, было добавлено самим Б. А. Романовым и отсутствовало в записных книжках А. Е. Преснякова. Названия глав (как и само разделение текста лекций на главы) даны Б. А. Романовым.

Корректурa подготовлена к публикации А. В. Карповым (в случае необходимости сверена с авторской рукописью лекций, также были исправлены явные опечатки и осуществлена необходимая техническая редактурa) при участии В. Г. Вовиной-Лебедевой. Справочно-библиографический аппарат приведен в соответствие с современными нормами А. В. Карповым под наблюдением Б. С. Кагановича; в ряде случаев были уточнены как сами ссылки на источники и литературу, так и приводимые в основном тексте цитаты. Последние страницы текста, отсутствующие в корректуре, подготовлены к печати Б. С. Кагановичем, при участии Л. Б. Вольфцун, по авторской рукописи в записных книжках А. Е. Преснякова⁹ в соответствии с вышеприведенными установками Б. А. Романова. Указатель имен составлен Л. Б. Вольфцун. Возможностью воспроизвести портрет А. Е. Преснякова работы художника И. Б. Стреблова мы обязаны П. Г. Рогозному, за что выражаем ему искреннюю благодарность. Большую организационную помощь в работе по подготовке издания оказали директор Санкт-Петербургского института истории РАН А. В. Силенов и заместитель директора И. В. Лукоянов.

⁷ Имеется в виду том 1, текст которого сохранился в двух редакциях, 1907/8 и 1915/16 гг. Для последующих томов ввиду отсутствия вариантов эта проблема не стояла. — *Ред.*

⁸ От редакции // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938. С. VI.

⁹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 10. С. 289–309.

Б. С. Каганович

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ 3-го ТОМА

А. Е. ПРЕСНЯКОВА

«Лекции по русской истории» А. Е. Преснякова

Работа Б. А. Романова над подготовкой к изданию «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова в общих чертах освещена в монографии В. М. Панеяха. По его данным, в сентябре 1934 г., незадолго до того, 15 августа 1933 г., освобожденный из лагеря и вернувшийся в Ленинград Б. А. Романов подписал «договор, предусматривавший подготовку к печати 1-го тома лекционного курса А. Е. Преснякова, читавшегося в дореволюционном университете»¹. Этот курс «сохранился в двух редакциях в виде нескольких записных книжек, заполненных мелким почерком. Потребовалось провести чрезвычайно кропотливую работу по воспроизводству текста, его редактированию и написанию примечаний»². Менее чем за год эта работа была выполнена. 3 мая 1935 г. Романов писал П. Г. Любомирову: «Первый том курса А. Е., текстуально совсем готовый к печати, лежит без движения»³.

«В конце 1937 г. наконец сдвинулось дело с подготовленным им и лежавшим без движения первым томом курса лекций А. Е. Преснякова. Им заинтересовался Соцэргиз, где плодотворно работал Н. Л. Рубинштейн. С Б. А. Романовым был заключен договор, согласно которому он должен был подготовить к изданию все три тома лекций своего учителя и аппарат к ним. Работа велась в тесном дружеском контакте с Н. Л. Рубинштейном и завершилась выходом в свет в 1938 г. первого⁴, а в 1939 г. второго тома⁵ лекций. Третий том также был подготовлен Б. А. Романовым, но дошел только до корректуры, и его изданию помешала начавшаяся война»⁶.

¹ Панеях В. М. Творчество и судьба историка. Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 149.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 151–152.

⁴ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М.: Соцэргиз, 1938. VI+282 с.

⁵ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Русско-Литовское государство. М.: Соцэргиз, 1939. 248 с.

⁶ Панеях В. М. Творчество и судьба историка. С. 172.

Московский историк Н. Л. Рубинштейн являлся издательским редактором обоих томов «Лекций» Преснякова, и его именем было подписано предисловие «От редакции» в 1-м томе, археографическую часть которого написал, очевидно, Б. А. Романов. Участие Романова в 1-м томе вообще не было упомянуто, однако в редакционном предисловии ко 2-му тому сообщалось: «Текст лекций (I и II тома) на основе рукописных тетрадей автора подготовлен к печати Б. А. Романовым, которым составлены также примечания»⁷.

Третий, заключительный том «Лекций по русской истории» Преснякова⁸ «Северо-Восточная Русь и Московское государство» был подготовлен к изданию Б. А. Романовым к началу 1941 г. 10 января 1941 г. он писал Н. Л. Рубинштейну: «Мне доставили машинопись III т. "Лекций" Александра Евгеньевича. Очень рад, что дело не кануло и, разумеется, рад тому, чтобы провести корректуру»⁹. Вскоре была готова верстка. 31 мая 1941 г. Романов писал Рубинштейну: «Совершенно согласен с Вами по вопросу об указателе <...> Я был вчера у Юлии Петровны [вдова Преснякова. — Б. К.] и предупредил ее, что на очень быстрое разрешение ее финансовых затруднений рассчитывать нельзя, но и не очень обезнадеживая, — в уверенности, что Вы наблюдаете за этим делом»¹⁰.

Очевидно, что подготовка тома вступила в последнюю стадию, но война перечеркнула все планы. Из адресованных жене писем Б. А. Романова, находившегося в 1942–1944 гг. в эвакуации в Ташкенте, видно, что он в эти годы неоднократно обращался к Н. Л. Рубинштейну и в издательство с запросами о судьбе и перспективах выхода книги (сообщение Н. И. Ананьич автору настоящей заметки).

12 ноября 1945 г. вдова А. Е. Преснякова Юлия Петровна, поздравляя хорошего знакомого их семьи академика Е. В. Тарле с 70-летием, просила его содействовать изданию 3-го тома «Лекций по русской истории»¹¹. В первые послевоенные годы планы его выпуска не были вполне оставлены, но последующие события: ожесточенная борьба с «буржуазной

⁷ От редакции // Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 3.

⁸ Вероятно, первоначально предполагалось издать его в качестве 2-й части 2-го тома, как можно заключить из нумерации предыдущего тома.

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 521. Карт. 26. Д. 39. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Архив РАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 99. Л. 1.

исторической наукой» и «Ленинградское дело» — сделали издание невозможным. Во всяком случае, 23 ноября 1947 г. Б. А. Романов писал Н. Л. Рубинштейну: «Хорошо, что 3-й том А. Е. отошел на 48 год!»¹² По всей вероятности, корректура вскоре была возвращена Романову.

Новая попытка издать 3-й том «Лекций» А. Е. Преснякова была принята после смерти Б. А. Романова его учениками. Материалы об этом имеются в фонде Романова, хранящемся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Приводим письмо заведующего соответствующей редакцией Соцэкгиза вдове Б. А. Романова от 17 декабря 1958 г.:

Уважаемая Елена Павловна!

Редакция литературы по истории СССР получила переданную Вами через т. Носова Н. Е. корректуру книги Преснякова А. Е. «Курс русской истории. Т. 2. Ч. 2». Договор, заключенный Госполитиздатом с составителем книги проф. Б. А. Романовым, будет нами восстановлен. Текст книги будет сохранен в таком виде, как его подготовил к печати Б. А. Романов.

*Зав. редакцией литературы по истории СССР Г. А. Конюхов*¹³

Через два с лишним года, не видя никакого движения в прохождении дела, Е. П. Романова обратилась с запросом в редакцию (которую перед этим с целью выяснения обстановки посетил В. М. Панеях). На запрос последовал следующий ответ, датированный 10 июня 1961 г.:

Уважаемая т. Романова!

Убедительно просим извинить за задержку ответа на Ваш запрос о судьбе Лекций А. Е. Преснякова. В связи с длительной болезнью, а затем отпуском зав. редакцией не удалось выяснить его вовремя.

Редакция не отказалась от своего намерения издать эти лекции, однако из-за перегрузки портфеля в 1960–61 гг. не представилось возможности осуществить этот замысел.

В настоящее время Главная редакция изд-ва решает вопрос об издании всего курса лекций А. Е. Преснякова. О том, к какому выводу придет Главная редакция, мы сообщим Вам дополнительно.

¹² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 521. Карт. 26. Д. 39. Л. 29.

¹³ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 347. Л. 1.

Прошу Вас передать мои извинения т. Панеяху, который принял в этом деле активное участие. Своевременно ответить ему не смогла в связи с длительным отпуском т. Конюхова.

Зам. зав. редакции литературы по истории СССР И. Бачило¹⁴

В архиве сохранился черновик ответного письма Е. П. Романовой в редакцию:

Уважаемая т. Бачило!

Из Вашего письма от 10.VI не ясно, когда редакция примет решение об издании лекций А. Е. Преснякова? Вместе с тем т. Панеях из беседы с Вами вынес определенное представление, что редакция не намерена печатать эту работу в 61–62 гг. <...> Поэтому прошу Вас вернуть мне данную корректуру лекций А. Е. Преснякова т. 2. ч. 2. В случае благоприятного разрешения вопроса работа будет прислана немедленно в редакцию¹⁵.

Финалом стало письмо издательства Е. П. Романовой от 19.VI.1961:

Глубокоуважаемая т. Романова!

Главная редакция Соцэкгиза рассмотрела вопрос о лекциях А. Е. Преснякова по русской истории и считает целесообразным их издать.

Учитывая, однако, что в прошлом году закончено издание истории России В. О. Ключевского, а в настоящее время изд-во работает над выпуском «Истории России» С. М. Соловьева (в 1962–64 гг. выйдут VII–XV книги), мы не сможем приступить к изданию трудов А. Е. Преснякова в ближайшее время. Как только закончим издание Соловьева, будет реальная возможность осуществить наше желание относительно лекций по русской истории А. Е. Преснякова. Об этом мы сообщим Вам дополнительно. По Вашей просьбе высылаем корректуру II тома и надеемся на Ваше содействие в предстоящей работе по изданию лекций Преснякова.

Зав. реакцией литературы по истории СССР Г. Конюхов¹⁶

Корректурa 3-го тома «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова была передана в Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне это Санкт-Петербургский институт истории РАН)¹⁷.

¹⁴ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 298. Оп. 1. Д. 347. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ В начале 1980-х гг. существовали планы издания этого тома силами сотрудников института, но, к сожалению, до осуществления их дело не дошло.

А. Е. Пресняков

**ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.
СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ
И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО**

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗДРОБЛЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Раньше, чем изучать те или иные местные условия жизни Северо-Восточной Руси, обусловившие в ней сперва господство «удельного» строя, а затем развитие государственного объединения, надо дать себе ответ на вопрос, что в этом смысле получила Северо-Восточная Русь в наследство от предыдущего исторического периода, — и только если окажется, что ничего не получила, мы можем спокойно замкнуться в пределах изучения ее местного исторического процесса, в уверенности, что найдем тут *все* данные, необходимые для разрешения поставленных вопросов.

Как ни различны исторические построения, поясняющие возникновение так называемого удельного дробления Руси в средневековую эпоху ее жизни, можно назвать общепринятым элементарное историческое наблюдение, что корень этой дробности территории имеется налицо в основных условиях возникновения древнейших форм политической организации восточно-го славянства. Так называемая Киевская Русь состояла из конгломерата земель-княжений, из которых каждая объединялась вокруг одного городско-го центра, имела свою законченную организацию власти и управления, была замкнутым районом действия местного права, из которого в чужую землю «своду» правового нет¹. Происхождение этой обособленности земель объяснялось этнографически (Костомаров), экономически (Ключевский), но по существу остается невыясненным и мало исследованным вопросом².

Упомянутая особенность земель служила базой и сама поддерживалась и перестраивалась в первые века русской истории особым укладом междукняжеских отношений того владетельного рода, который господствовал

¹ Правда Русская. Учебное пособие / отв. ред. Б. Д. Греков. М.; Л., 1940. С. 22–23, ст. 39. В 39-й статье Пространной Правды («О своде же») регламентируется прекращение действий правовых норм одного региона при переносе решения юридических вопросов в другой регион. — *Ред.*

² См.: Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в древней Руси. [СПб., 1861]; Ключевский В. О. Курс русской истории. 2-е изд. М., 1906. Ч. I. Лекция IX.

над Киевской Русью. Как только известия старой летописи становятся сколько-нибудь обстоятельны, перед нами в этих отношениях выступают факты раздела русских земель отцом между сыновьями (Святослав, Владимир). Практика разделов обусловлена воззрением на княжое владение как на наследственное право членов княжой семьи и развивает все дальше и глубже идею княжой «вотчины» — княжения, составляющего наследственное владение данной княжеской семьи. Это понятие, столь характерное для так называемого «удельного» периода, — исконное на Руси со времени утверждения княжеской власти. В политической действительности, при размножении княжеского рода, оно вело к борьбе за сохранение единства Ярославова наследства против обособления отдельных его частей в вотчину отдельных семей княжого рода, борьбе, постепенно ослабевавшей с ослаблением силы и значения киевского центра.

Выделение особых владений из общего комплекса древнерусских земель началось с XI в., когда Владимир Святославович «воздвиг отчину» Рогнеде с сыном своим Изяславом, по-видимому, заново определив территорию полоцких владений: он построил город Изяславль и «да има» область, видимо, более обширную, чем прежние владения Рогволода Полоцкого. Полоцкое княжество является, таким образом, во-первых, образованием, возникшим в ядре своем независимо от деятельности киевских князей, во-вторых, определившимся территориально путем выдела из влад[ений] киевского князя, которыми было поглощено. И эта земля остается затем особым владением Рогволожих внуков, перейдя, вероятно, еще при жизни Владимира к Изяславичу Брячеславу и его потомкам. По смерти Всеслава Брячеславича (1101 г.) оно делится между его потомками, сохраняя, однако, относительное единство, поддержанное особенно борьбой с киевскими Ярославичами, с князем Смоленским и Новгородом.

К 90-м гг. XI в. относится также определение Черниговской отчины Святославичей. Созданная как владение определенной линии в борьбе сыновей и внуков Ярослава, она сразу поделилась на три отчины — Давыдовичей, Ольговичей и Ярославичей — и зажила своей внутренней политической жизнью.

Одновременно с Черниговщиной определяется территориально-политическая особенность западной «украины» южной Руси, будущей Галицкой земли, в линии Ростиславичей, Володаря и Василька. XII в. видит обособление других земель в отраслях Мономахова потомства. В первую половину века этот процесс сильно парализовался стремлением киевского центра сохранять возможно большее единство власти и распоряжения

силами Русской земли. По отношению к Киеву и Новгороду это стремление одержало верх, поддержанное местным политическим развитием Новгорода и особым, междукняжеским, положением киевского стола. Но усиление организации княжеского владения и властвования на северо-востоке подняло, по-видимому, еще при жизни Мономаха, сплочение ростово-суздальских владений, порученных со второго десятилетия XII в. Мономашичу Юрию под руководством мономахова тысяцкого (варяга Георгия). Юрий княжил на северо-востоке до смерти своей (в 1157 г.) около 40 лет. Перейдя под конец на юг, «Юрий предасть область Суздальскую» тысяцкому Георгию Шимоновичу, проча ее своим младшим сыновьям Михалку и Всеволоду, которых по крестоцелованию приняли себе в князья ростовцы и суздальцы еще при жизни Юрия. Старшего, Андрея, он предполагал утвердить на юге, чтобы закрепить за своей линией преобладание во всей системе русских княжений. Известно, что Андрей самовольно разрушил отцовские планы, уйдя от него на север, который и сделал опорой всей своей политики. В этом смысле можно считать Андрея основателем суздальской особиности, хотя его политика только закрепила результаты местной деятельности его отца.

В ту же эпоху — в конце 40-х гг. XII в. — Волынская земля стала семейной вотчиной старших Мономашичей — Изяслава Мстиславича и его потомков, а земля Смоленская — после сорокалетнего княжения Мстиславича Ростислава — обособляется как вотчина его потомства³.

Таковы главные внешние факты в истории политического дробления Киевской Руси. Отмечу, что обобщение их под понятием «дробления», «распада» имеет лишь весьма относительное и неточное значение. Оно как бы предполагает наличность древнего предыдущего момента — единства территориально-политического. Такая предпосылка имеет, конечно, некоторую поддержку в таких моментах, как те, когда, по объединении восточнославянских земель под киевской властью Старым Святославом, Владимир, Ярослав, Всеволод жилали, «едини владея в Русской земле». Но эти моменты оказывались в ходе событий настолько неустойчивыми, что процессы политического объединения и областного дробления Киевской Руси приходится рассматривать не как последовательные, а как параллельные, развивавшиеся во взаимной борьбе, с постепенным нарастанием напряженности и успеха децентрализующих всю киевскую систему сил.

³ См.: Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий (Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. 90). СПб., 1909. С. 136 и след.

Присмотримся ближе к внутренним формам и условиям работы этих сил. Под этим разумею: с одной стороны, формы междукняжеских отношений, дававшие организацию дробности политического властвования в русских землях, а с другой — обусловленность их развития складом, направлением и влиянием местных интересов отдельных земель, все более замыкавших княжью деятельность в пределах отдельных областей. Из вступительных замечаний моих должно быть понятно, почему это рассмотрение я не замыкаю в пределах одной Суздальской земли, как подсказывалось бы ближайшей темой моего курса. Нам ведь надо выяснить себе, по мере сил и возможности, что в местном развитии северо-восточной исторической жизни действительно свое, местное, а что — следствие участия Северо-Восточной Руси в прежнем общерусском историческом процессе.

Исходным пунктом процесса децентрализации политического быта Руси, с формальной стороны, признаем практику разделов и вотчинные тенденции княжого владения. Это вотчинное княжое право пережило в древней Руси довольно сложную эволюцию. Первый момент — полный раздел владений отца на ряд отдельных владений сыновей-вотчичей. Раздел, как это отлично определил Ключевский, вел к разрыву всяких политических связей между ними, к полному распаду отчего владения. При наличности сил и интересов, не допускавших осуществления такого результата раздела, возникала борьба, кровавая и братоубийственная, вплоть до восстановления былого единства владения всей Русью. При сыновьях Ярослава впервые вырабатывается более сложное построение междукняжеских отношений, [с]формулированное печерским книжником в так называемом «Ярославовом ряде». Это построение имеет дальнейшее развитие в идее «старейшинства» киевского князя как руководителя общей деятельности всей «братии» князей русских и княжеского единачества на пользу Русской земли.

Эти идеи и их реальные воплощения в деятельности княжих съездов и в политике таких князей киевских, как Мономах, Мстислав Великий или Всеволод Ольгович, — не владельческого, а политического порядка — служили выражением тенденций, направленных к ограничению значения «вотчинных прав» отдельных князей на отдельные земли-княжения. Необходимо, однако, отметить, что история киевского старейшинства, как и само понятие о нем, свидетельствует о стремлении его носителей, князей киевских, утвердить свое преобладание в среде других князей до действительного положения власти, поставленной «в отца место». Власть

киевского князя-отца имела вполне реальное значение единства владения и распоряжения. Сыновья, сидевшие по городам под его рукою — по отношению к нему — подручные посадники; распределение между ними столов — в его воле, с полной возможностью перераспределения: он их «выводит» из одних городов, «сажает» в другие, которые «дает» им. В усобицах киевского периода постоянно встречаем (при старших Ярославичах, Всеволоде, Мономахе, Мстиславе) проявления тенденции носителей киевского «старейшинства» довести его до тождества с отцовской властью по отношению к младшим князьям — племянникам, близким и дальним. Но со времен Всеволода Ярославича все решительнее выступает неизбежность для этого «старейшины» признавать неприкосновенность «вотчин» отдельных князей, ограничиваясь, по мере возможности, лишь общей политической гегемонией над ними в форме руководства их силами в общих предприятиях по борьбе с внешними врагами, да в авторитетном посредничестве при внутренних столкновениях. Междукняжеские обычаи установили в XII в. даже санкцию требованиям старейшины в общем деле: нарушивший их князь теряет власть, причем все остальные должны подняться на него, нарушителя, общими силами. Эта наметившаяся система отношений, плохо осуществлявшаяся на деле, важна для нас тем, что намечала отделение вотчинного владения княжого в отдельной земле (при полной внутренней самостоятельности) от вопроса о связи данного княжения с политическим целым — Русской землей в наиболее широком значении термина. От идеи старейшинства в том виде, как ее, таким образом, выработала Киевская Русь, идет, как увидим, ценная традиция русской политической мысли, замиравшая, не умирая вполне, после падения Киева, и развитая дальше и глубже Московским государством, но уже на иных реальных основаниях⁴.

Это отступление в сторону идеи старейшинства казалось мне неизбежным, чтобы перейти к характеристике судеб вотчинного княжеского права в XII–XIII вв. В общей их картине прежде всего привлекает внимание крайне своеобразное положение Киевской земли в тесном смысле слова. Ей, как известно, не привелось стать вотчинно-семейным владением какой-либо линии княжого рода. Попытка Мономаха утвердить право на киевское старейшинство, вместе с обладанием киевским столом, за нисходящей от него линией не удалась, разбитая раздорами среди самих Мономашичей и слабостью материальной основы — киевской силы, на которую

⁴ Там же.

она только и опиралась. С тех пор Киев, как говорится, переходит из рук в руки, все более теряя свое централизующее русские отношения влияние и значение. Но любопытно отметить, что в связи с этим общим положением Киевщины она сохранила свое территориально-политическое единство, не дробясь на отдельные более мелкие княжения-вотчины, что, однако, не мешало частому, хотя и мало устойчивому возникновению таких явлений, как княжение особых князей на отдельных «волостях киевских», как Вышгород, Белгород, Торческ, Канев, Овруч и др. — до 15–16 городков киевских. Сидели ли тут князья, у которых только и было владения, или братья, или сыновья князей, по семейной связи с которыми они были «вотчиками» других областей и орудиями политики Смоленска или Владимира Суздальского и т. п., эти княжения не выделялись в особую «вотчину», не приобретали особенности, а рассматривались как «часть» в Русской земле, т. е. в узком смысле слова — в земле Киевской. Отмечаю это незначительное само по себе явление как особую разновидность древнерусского княжого владения: «наделение» (таков технический термин) старшим князем младшего из своих владений «частью» — по соображениям родственных отношений, союзности или иных моментов междукняжеской политики.

Что до отдельных земель, обособившихся во владении особых линий княжого рода, то сложившиеся в них отношения в общем мало нам известны, отчасти по скудости данных, отчасти потому, что и имеющиеся-то данные мало изучены. Очерк этих отношений в моем «Княжом праве» — только беглый набросок, не более⁵. Эти отношения довольно разнообразны и складывались под сложными влияниями местных обстоятельств в каждой области, более или менее на свой лад. Отмечу некоторые из этих особенностей, более ясно выступающие в рассказах летописных. Но прежде всего будем иметь в виду, что в развитии форм княжого владения отдельных земель-областей мы наблюдаем те же общие черты, какие выступают в истории Киевской Руси как целого: борьба двух тенденций — сохранения единства сил всей земли под «старейшинством» большего стола или по крайней мере в форме одиначества всех ее князей, и дробления ее сил и интересов по вотчинам, частям земли, все более обособляющимся. Преобладание той или другой из этих тенденций обуславливалось, насколько видим, преимущественно внешними условиями: силой или слабостью внешней боевой опасности для данной земли

⁵ См.: Там же. С. 117 и след.

или данной группы князей-родичей от иноземного врага или от князей-противников.

Так, в отрывочных известиях о Полоцкой земле до 20-х гг. XII в. ее князья выступают в союзе против киевских Мономашичей, пока в 1129 г. не постигла их общая ссылка в Грецию. После смерти Мстислава Великого (1132 г.) в Полоцкой земле намечается раздел на три линии и три вотчины (Глебовичей, Васильковичей и Борисовичей) — Минск, Витебск, Друцк — при центральном значении Полоцка, из-за которого идет борьба, сплачивающая каждую княжескую линию. Но ранние осложнения внешних отношений не дали полоцкой истории довести внутренний строй земли-княжения до законченной определенности.

Своими усложненными путями идет история юга — Волыни и Галича, хотя и тут видим раздел Галицкой земли на вотчины внуков Ростислава, пока Володимерко их не объединяет, а на Волыни образование особых княжений Владимирского и Луцкого, с дальнейшим дроблением на более мелкие княжения-вотчины. Но для нас важнее те явления, какие можно наблюдать в землях Черниговской, Смоленской и Суздальской.

И в Черниговщине, подобно Полоцкой земле, внутренний распад на вотчины долго задерживался интересами общечерниговской политики, особенно в отношениях к мономахову потомству, владения которого охватили широким кольцом черниговские волости. Впрочем, уже первая четверть XII в. закончилась отделением Муромо-Рязанских волостей в особое княжение Ярослава Святославича, в вотчину его потомства, окончательно оформленным в 1127 г. Собственно Черниговская земля (вместе с Северщиной и «вятичами») осталась в обладании двух линий — Давыдовичей и Ольговичей, и вся первая половина XII в. наполнена то их борьбой за Чернигов, то за господство над всеми волостями черниговскими, то их участием в общерусских делах, в борьбе за Киев, против господства Мономашичей. В 60-х гг. XII в. сошли со сцены постепенно захудавшие Давыдовичи — старшая линия черниговских вотчичей, и судьбы земли остались в руках двух линий Ольговичей, потомков Всеволода и Святослава. Долгие годы борьбы с черниговской родней, а еще больше с Мономаховым племенем, сплотили Ольговичей. Их интересы далеки еще от того, чтобы замкнуться в границах семейной вотчины.

Напряженные отношения к степному врагу, все упорнее наступавшему на южную Русь, поддерживали в черниговских князьях традицию киевского единства, стремление возродить в свою пользу киевское старейшинство, овладеть Киевом. Черниговщина в тяжелую годину второй

половины XII — начала XIII в. переживает самостоятельно эпилог первого периода русской истории в большом и безнадежном напряжении сил. Это сказалось и в деятельности черниговских князей на киевском столе — Всеволода и Святослава Ольговичей, в таких памятниках черниговских настроений, как «Слово о князьях» и «Слово о полку Игореве», в преобладающем значении черниговской письменности для развития общерусского летописания за этот период. С этими общими чертами черниговской истории второй половины XII в. представляются связанными любопытные особенности ее внутреннего строя. Вовне Ольговичи выступают как «Ольговичи вси», во главе с черниговским старейшим князем, который «княжаше в большем княжении, понеже бо старей братьи своей». Таким старейшиной, по-видимому, бывал «старей леты» во всей группе черниговских князей, принадлежавший то к одной, то к другой линии Давыдовичей. Одиначество Ольговичей носит характер союза двух линий, разрешавших рядом соглашений спорные вопросы о судьбе черниговского и других княжих «столов» Черниговской земли, о которой князья в летописи говорят как о единой «волоости своей».

Значение черниговского старейшины сохранялось и за теми, кто достигал киевского стола, передавая Чернигов другому князю. Так держались Ольговичи против Мономахова племени, спаянные этим соперничеством. И во внутренних распорядках в данную эпоху не можем разглядеть образования внутри Черниговской земли обособленных княжений-вотчин. Столы княжие перераспределяются по соглашениям между князьями и «старейшим в братьи», причем речь идет не о «вотчинах», а о «наделении вправду» младших князей, без пристрастия к ближней родне, сыновьям или братьям. Связь частей с целым брала верх над тенденциями вотчинного раздела, пока сильны были общие интересы Черниговщины, вотчины Ольговичей, как целого. По-видимому, только буря татарского погрома разрушила эти устои черниговского одиначества, и лишь накануне ее — под 1226 г. — слышим о первой усобице в Ольговичах — Олега Игоревича, князя курского, с Михаилом Всеволодовичем. Татарский погром на черниговской почве сделал то дело, что повсюду подорвал в конец упавшее и без того значение крупных городских центров, разбил остатки более значительных политических систем. В жизни Черниговщины этот крутой перелом привел к быстрому измельчанию местных отношений и сдвигу населения и деятельности с юга на север. Не заменив захудалого Чернигова, возвышается Брянск, где во второй половине XIII в. княжит сын св. Михаила Черниговского Михаил и живет

черниговский епископ. Но Брянск скоро втягивается в сферу влияния Смоленска и в XIV в. переходит под литовскую власть. С упадком общего центра разрастается дробление на княжения-вотчины, как Брянское, Стародубское, Трубчское (Трубецкое), Новгород-Северское, Рыльское, Путивльское, Глуховское, Новосильское, Воротынское, Карачевское, Кромское, Козельское, Мосальское, Перемышльское, Елецкое, Хотетовское, Торусское, Мезецкое, Говдыревское, Болховское, Одоевское, Борятинское и т. д. Это дробление нарастало постепенно. Земля распадалась на вотчины «больших» князей, а внутри их слагались владения меньших, им «послужных», но и эти второстепенные группировки были неустойчивы и непрочны, тем более что с XIII в. в Чернигово-Северской земле стали возникать «уделы» литовских князей и вообще князей пришлых (в XV в. — московских выходцев), разбивавших традиции старого владения и ставших над мелким местным князем как носители иных связей, иной политики (вотчинность, отъезды с отчиной, служба на две стороны, измелчение, потеря политической самостоятельности, иногда и титулов, княжата-землевладельцы). Черниговщина в татарскую эпоху и под литовским владычеством поистине страна классическая для вотчинного дробления земли и торжества вотчинного характера княжеского владения.

Смоленская земля обособилась в XII в. в семейное владение Ростиславичей (Ростислава Мстиславича). Ростислав Мстиславич положил начало своеобразным отношениям тем, что, князя в Киеве, Смоленск держал через старшего сына, а младшими держал города Киевской земли (Овруч, Вышгород, Белгород). Киевская политика — с приемом держания «части» в ней — продолжалась и после Ростислава. Отдельные князья смоленского гнезда получали «волости» в Смоленской земле, но не выделяли их этим в особые вотчины-княжения, а только жили с них, как с обеспеч[ения] доходом. И до конца XII в. не видим дробления Смоленской земли на отдельные политические единицы, самостоятельные вотчины. Только в XIII в., когда Смоленская земля все больше чувствует ломку старых отношений и засорение торговых путей с падением Киева, движением Литвы, напором татарской силы, определяются особые вотчины князей Вяземских и Торопецких, два сравнительно крупных княжения, и мелкие «отчины», как кн[язество] Березуйска, как Глинки, Козлово, Хлепень и т. п. «Волость» Бельская с городом Белым выделилась только как пожалование Ягайлы родоначальнику князей Бельских. Вяземский князь и торопецкий в XIII в. под рукой Смоленских князей и вместе с ними подчиняется Литве.

Глава II

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

Ростовская земля занимает совсем особое место в представлениях русской историографии. Она выступает в общей схеме русской истории как новообразование XII–XIII вв. Продолжая построение, данное еще С. М. Соловьевым, Ключевский говорит о ней, что это «край, который лежал вне старой коренной Руси, и в XII в. был более инородческим, чем русским краем». Объясняя «образование великорусского племени», он выводит его «не из продолжавшегося развития этих старых областных особенностей», а из новых условий, возникших, «когда население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны», говорит о «разрыве народности» как моменте перелома в XII–XIII вв. Поток переселенцев из Днепровского бассейна в эту пору встретился в междуречье Оки — Волги с финскими племенами. «В области Оки и верхней Волги в XI–XII вв. жили три финских племени: мурома, меря и весь». Смешение с ними русских переселенцев создает великорусскую народность как новообразование XII и следующих столетий. Условия колонизации северо-восточного финского захолустья сказываются в ничтожном значении торговли, малом числе городов, решительном перевесе сельских поселений над городскими, гораздо большей разбросанности населения, подвижном характере земледелия, развитии лесных и рыболовных промыслов. В этих условиях возникает и новый уклад социально-политических отношений; в них вырастает «новый владетельный тип» — князя-вотчинника; новый общественный тип — боярина, военно-служилого землевладельца (первоначальный тип боярина-землевладельца сложился на юге, но «вероятно» заслонялся другими интересами дружины). «Изучая историю Суздальской земли с половины XII в. до смерти Всеволода III, мы на каждом шагу встречали все новые и неожиданные факты»; изучая разнообразные последствия русской колонизации верхнего Поволжья, «мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет перед нами в следующем периоде», московском, для которого «удельный порядок стал переходной политической формой, посредством

Научное издание

Александр Евгеньевич Пресняков

**ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ.
СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ
И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО**

Подготовил к изданию

Б. А. Романов (1940)

*Подготовил к публикации А. В. Карпов
по корректуре Б. А. Романова*

Корректор М. А. Иванова

Оригинал-макет О. В. Пугачёва

Дизайн обложки О. Д. Курта

Подписано в печать 26.08.2020

Формат 60×90/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 22,25

Тираж 300 экз. Заказ № 2112

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии

издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86